

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ФИНИШ

Рецензия на книгу В'ятрович В. та ін. —

Україна у Другій Світовій війні.

До 70-річчя перемоги над нацизмом у Другій Світовій війні. —

Київ, Український інститут національної пам'яті, 2015. — 28 с., іл.

Юбилейные даты великих исторических событий провоцируют повышенный уровень рефлексии и саморефлексии, равно как и повышенный интерес к тому, что же происходило в прошлом на самом деле. В условиях высокого уровня политической организации современных обществ, столкновения глобалистских и антиглобалистских интенций, а также непрерывного вторжения в нашу жизнь взаимоисключающих вводных, проистекающих из международных и межкультурных противоречий, многие публикации приобретают уникальный характер. Они напоминают не то стрелку компаса, указывающую долженствующий курс текущего момента, не то мгновенную фотографию, навсегда впечатывающую в историю запечатленный образ сиюминутности.

Весьма примечательна именно в этих смыслах книга коллектива украинских авторов под руководством В. Ветровича, изданная «к случаю и по поводу», имея в виду в равной степени повышенный интерес, проявляемый к юбилею окончания Второй мировой по обе стороны бывшего (бывшего ли?) железного занавеса. Вышедшее под эгидой Киевского института национальной памяти — что само по себе примечательно и служит определенным ориентиром, — это сравнительно компактное издание, как представляется автору рецензии, являет собой ту самую мгновенную фотографию, запечатлевшую не только обстоятельства момента, но и векторы движения общественного сознания.

Начнем с обложки и названия. Подчеркнутая деликатность «победы над нацизмом», долженствующей подчеркнуть несомненную принадлежность Украины к «светлой стороне Силы», корректно уравнивается терминологическим реверансом «Вторая мировая», четко отделяющим субъект от прежде традиционной «Великой Отечественной». Европейская идентичность, разумеется, не ставится авторами под сомнение. Ее неоспоримость подчеркивается использованием логотипа красного мака в оформлении обложки, в целом стилизованной как под фронтовое письмо/страницу дневника, так и под выцветшую и полуобгоревшую фотографию, запечатлевшую типическое полуразрушенное «місто» с остовом костела на переднем плане.

Отметим, что книга не только визуально, но и в первую очередь текстуально является весьма характерным образчиком официально поддерживаемой установки на преимущественно страдательную роль Украины в период боевых действий 1939–1945 гг. От замечания, что «украинцы превратились в пушечное мясо сразу для двоих диктаторов — Гитлера и Сталина» (с. 4), и пассажа о разделенности украинцев государственными границами пяти стран в 1939 г. (с. 8) до игнорирования их национальных интересов в «мире, разделенном пополам» на Ялтинской конференции (с. 23). Впрочем, баланс сил все же нарушается. Так, злодеяниям советских органов власти в период 1939–1941 гг., тактике выжженной земли, примененной Красной армией в 1941 г. при отступлении (учитывая темпы онога, впрочем, успешность самой этой тактики вызывает большие сомнения), организованным Советами взрывам в Харькове и Киеве, использованию «чорносвитников» наступающими советскими войсками с 1943 г., а также страданиям украинцев после «победы, но не освобождения» (с. 22) уделено заметно больше внимания, чем всем преступлениям нацистов, из которых внятно обозначены лишь Бабий Яр и Корюковка (с. 16).

Стоит отметить, что этот «страдательный уклон» авторами объясняется достаточно ясно и недвусмысленно — как плата Украины за отсутствие национальной государственности (с. 4). При этом, правда, остается необъясненным вопрос, почему наличие государственного суверенитета — порой уходящего корнями в ранее Средневековье — не позволило отразить натиск вермахта не только Голландии, Дании и Норвегии, но и государствам, существенно превосходящим гипотетическую «Украину-1939/41» по своему потенциалу: Польше или Франции. Очевидно, гетманская Украина за два десятка лет должна была так усилиться, что поединок большевиков и гитлеровцев в любом случае обошел бы ее стороной, кардинально изменив историю Восточного фронта: ни первые, ни вторые просто не рискнули бы на нее напасть. Данная позиция, впрочем, в силу своей технической неаудируемости является абсолютно неуязвимой для критики.

С другой стороны, вклад украинцев в боевые действия, разумеется, остается в центре внимания авторов издания. Приводимая статистика подана весьма наглядно и красочно (с. 7), хотя и здесь масштаб явно нарушен: идентичные фигуры марширующих парадным шагом с трехлинейкой (!) солдат снабжены касками, раскрашенными в цвета стран антигитлеровской коалиции, в которых сражались этнические украинцы, а размер фигур должен соотноситься с количеством призванных. Что и соблюдено во всех случаях, кроме Советского Союза с официально заявленными 6 млн участников боевых действий, — здесь фигура солдата непринципиально отличается от численно ближайшего Войска Польского, в рядах коего отметились лишь 120 тыс. украинцев.

Впрочем, статистика и факты в этой части книги наиболее интересны, поскольку дают наибольшее количество пищи для размышления. Так, в число украинцев на фронтах Второй мировой автоматически зачислены все призывники и добровольцы, имеющие украинские корни либо связанные происхождением своих предков с территорией потенциальной Украины. Вряд ли стоит ставить под сомнение концептуальные основания подобной статистики, поскольку статистика для историка в принципе имеет скорее

ориентирующее, чем доказательное значение. Однако вытекающие из нее выводы и подбор персоналий весьма показательны и красноречивы. В числе воевавших «от Украины» (и, по умолчанию, очевидно — «за Украину») рядом оказываются летчики Иван Кожедуб (СССР, отчего-то уже с 64-мя победами вместо традиционных для отечественной историографии 62-х), Питер Дмитрук (Канада), Юрий Сальский (Польша) и Михайло Опаренко (Польша, затем Франция и Великобритания). Не менее тесно в один ряд поставлены Герой Советского Союза поручик Чехословацкого корпуса Степан Вайда, американцы Николас Орешко и Алекс Дяченко, героиня обороны Севастополя Мария Байда, а также подпольщица ОУН и УПА Катерина Зарицкая (с. 5, 24). Сидор Ковпак и Семен Руднев, как советские партизаны, удачно уравновешиваются польским подпольем (упомянутым, впрочем, скороговоркой и не вполне понятно к чему — коль скоро речь об украинцах) и активисткой УПА Галиной Кузьменко (с. 18–19). Весьма эффектно, как обычно, смотрится участие Алексея Береста и Майкла Стренка, соответственно, в одинаково легендарных для обеих противостоящих мировоззренческих систем установках Красного Знамени над Рейхстагом и американского флага над Ивдзимой (с. 4, 24–25). И, что логично, финальную точку во всей Второй мировой поставил украинец Кузьма Деревяник, в чине генерал-лейтенанта Советской армии подписавший акт капитуляции Японии на борту линкора «Миссури».

Впрочем, отсутствие или недостаток этнической связи с украинским народом не является препятствием к зачислению героя в число украинцев, коль скоро его деяния достаточно значимы и представляют интерес. Так, открывший ворота лагеря в Освенциме Анатолий Шапиро (этнический еврей из Константинограда), невзирая на происхождение, вполне вписывается в ряды борцов за независимость Украины. Как, собственно, и легендарный Амет-Хан Султан вместе с семьей крымскотатарскими орденосцами, хотя Крымская АССР в принципе не имела административного и политического отношения к территории Украины ни до, ни во время войны, ни даже после нее.

Очевидно, в русле событий последних полутора лет практически проигнорированы любые военные действия, ведшиеся в прибрежной полосе Черного моря — в частности, оборона и освобождение Одессы, Крыма и Севастополя. Вместе с тем весьма подробно подсчитан ущерб, понесенный экономикой Украины в годы войны. Характерно при этом, что ни словом не упомянут вклад в разрушение оной со стороны Германии, вывоз украинского чернозема, угон населения на принудительные работы. Однако вывоз отступающей Красной армией квалифицированных специалистов, ценностей и имущества прописан весьма внятно и с указанием ряда конкретных цифр (с. 26). Очевидно, по логике авторов, читатель должен сделать вывод о том, что ничто из этого на Украину после ее освобождения уже не возвратилось. Вероятно, данный пассаж является одним из наиболее показательных, коль скоро мы стараемся уяснить авторскую концепцию.

Разумеется, рецензируемая книга представляет собой закономерный результат историко-литературной и политико-просветительской работы, ведшейся как внутри научного и политического сообщества независимой Украины в последние два с половиной десятилетия, так и в пространстве украинской диаспоры Северной Америки и остального мира — задолго до рас-

пада Советского Союза. Результат, по умолчанию, весьма промежуточный и тем особенно интересный. Наличие на Украине устойчивой постсоветской традиции, отличающейся, в частности, наличием мощнейшей идентификационной доминанты в виде Великой Победы в Великой Отечественной войне (в каковой вербальной конструкции недопустима замена слов и перестановка акцентов), исключает лобовую атаку на идеологическом фронте, даже с учетом фактической смены целого дееспособного поколения. Именно поэтому выстраивание логики повествования носит характерный зигзагообразный характер: чередование тезисов о победе над нацизмом и тезисов о трагических последствиях присутствия на украинской территории советских войск, откровенное смакование неудач Красной армии в 1941 и 1942 гг., устойчивое замалчивание или игнорирование откровенно пронацистских акций украинского подполья и партизан — все это создает видимый перекося линии идеологического фронта, демонстрируя потенциальному читателю парадоксально несовпадающий с названием книги тезис о менее печальных последствиях немецкой оккупации на фоне оккупации советской. Достаточно регулярно воспроизводится мысль о фактически единственной цели войны для Украины и украинцев (очевидно, даже для вряд ли задумывавшихся о своем «украинстве» американских морпехов и матросов) — цели обретения независимости.

Собственно, концепция местоположения Украины в политическом пространстве и позиция авторского коллектива всецело обоснована словами о разделении послевоенного мира на «демократичний ліберальний захід та комуністичний тоталітарний схід» (с. 23). Однако мы не случайно заостряем внимание читателя на промежуточности представленного в книге концепта. Не вызывает сомнения, что при сохранении ныне существующего вектора развития государственной официальной идеологии «постмайданной» Украины неизбежно дальнейшее вымывание советской фактологии из историографии Великой Отечественной и Второй мировой войн. Эта фактология реликтивно сохраняется в настоящее время лишь в силу конъюнктурных соображений и необходимости заигрывания с электоратом старших возрастов. В целом, при панорамном анализе рецензируемого издания, допустима — крайне условная, разумеется — оценка соотношения «советского» и «диаспорального» историографического наследия в формировании концепции книги как 1:2. Не вызывает сомнения, что «массовая доля» первого в обозримой перспективе будет уменьшаться.

Думается, что анализ этого и ему подобных изданий исключительно актуален как для профессиональных российских историков, так и для работников государственных структур, ответственных за корректировку национальной идеологии и генерацию ее тезисов. В частности, как пример эффективности (или неэффективности) пропаганды внутренне противоречивых и порой алогичных концептов национальной истории и национального мифа.

А. А. Хлевов